

МАССОВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ПОЧВЕ ДОРОГОВИЗНЫ В РОССИИ

(1914 — февраль 1917 г.)

«Мы накануне голодного дня, за которым последует голодный бунт» — эта зловещая фраза, произнесенная весной 1916 г. в Петроградской городской думе, стала пророческой. Сейчас уже не приходится доказывать, что выступления на почве дефицита и дороговизны предметов первой необходимости проходили не только в форме стачек и демонстраций (направленных против администраций предприятия и властей), но и в форме столкновений населения с торговцами, владельцами магазинов, складов¹. Эти последние, нестачечные и недемонстрационные выступления рабочих (а также крестьян, ратников ополчения), нередко преимущественно женщин, называемые «продовольственными, базарными беспорядками», «голодными бунтами», «погромами», «бабьими бунтами», являлись одной из форм социального протеста и борьбы, имевших место в различные периоды отечественной истории.

Но если такие выступления крестьян в России неоднократно привлекали внимание исследователей, то выступления рабочих, горожан, несмотря на размах и остроту, по ряду причин не стали объектом специального изучения, хотя упоминания о них встречаются в литературе². Между тем исследование вопроса расширяет и углубляет наше представление о формах рабочего движения, корректируя прежние подходы, страдавшие однобокостью, изучением борьбы преимущественно по высшим ее проявлениям.

В настоящей работе ставится задача собрать и проанализировать данные о нестачечных и недемонстрационных формах выступлений рабочих (или с участием рабочих) на почве дороговизны в стране в целом за период с июля 1914 г. по февраль 1917 г. включительно.

Сведения о выступлениях собирались по специально разработанной программе. Учитывались следующие параметры: название населенного пункта (с указанием, является ли он городом, поселком, селом, деревней), название уезда и губернии; конкретная причина выступления; количество участников; их социальный, национальный, половой и возрастной состав; продолжительность выступления; масштабы «погрома» и размеры материального ущерба владельцев лавок, магазинов; факты столкновения с полицейскими, казаками, солдатами, случаи применения оружия, в том числе огнестрельного, жертвы столкновения (с обеих сторон); меры наказания участников; возврат «расхищенного» имущества; отклики (включая печать) на события; конкретные источники сведений.

Мы выделяем из общей массы выступлений те, в которых участвовали непосредственно рабочие или члены их семей. Несмотря на расплывчатость социальных очертаний участников в ряде выступлений, влияние рабочей среды на эти выступления несомненно. Хотя в большинстве полицейских документов говорилось о женщинах-солдатках и подростках, но здесь же можно встретить и указание на то, что женщины были поддержаны (или могли быть поддержаны) рабочими. В обращениях рабочих к властям содер-

*Кириянов Юрий Ильич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

жались требования освободить «наших жен» — арестованных участниц выступления.

Реализация замысла может быть осуществлена по материалам 4-го дело-производства Департамента полиции МВД, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (дела о «беспорядках» в губерниях — дело 108. Часть, соответствующая номеру губернии. Лит. А; дело 165), а также по материалам Министерства юстиции, хранящимся в РГИА в Санкт-Петербурге (ф. 1405, оп. 530, д. 1131) и в Государственном архиве Российской Федерации (ф. 124). Определенный интерес представляют также материалы фонда «ДП. Перлюстрация» ГАРФ. Немало документов опубликовано³.

* * *

12 апреля 1915 г. ДП МВД разослал губернаторам и градоначальникам письмо по поводу ухудшавшегося продовольственного положения и происходивших на этой почве массовых выступлений населения. В нем говорилось, что вызванные военным временем затруднения в доставке по железным дорогам массовых грузов повлекли за собой во многих местностях империи уменьшение рыночных запасов хлеба, мяса и других предметов первой необходимости, а этим обстоятельством не преминули воспользоваться спекулянты, начавшие искусственно повышать и без того высокие цены на эти предметы. «Явление это, — говорилось далее, — особо тяжело отразилось на беднейших классах населения, недовольство коих уже стало проявляться в некоторых местностях в виде попыток к устройству уличных беспорядков и погромов торговых помещений купцов, подозреваемых в умышленном повышении цен»⁴. «Протесты против дороговизны начались и в России», — говорилось в одной из апрельских листовок 1915 г. московских большевиков по поводу массовых выступлений рабочих «в Москве, Петрограде и некоторых других городах», сопровождавшихся разгромом лавок и избиением лавочников⁵. О фактах погромов в городах России и Сибири, «угрожающих повсеместным распространением...», писали иркутские социал-демократы в мае 1916 г.⁶

Приведем описания участия рабочих-мужчин, работниц, а также жен рабочих в выступлениях на почве дороговизны предметов первой необходимости, прежде всего продовольственных товаров. По сообщению петроградской газеты «День», нехватка мяса и повышение цен на другие продукты привели вечером 6 апреля 1915 г. к погрому мясных лавок на рынке села Смоленского (пригород столицы). «Группа работниц ситценабивной фабрики Паля, раздраженных остротами „молодцов“ из мясных, затеяла с ними ссору. Мясные лари быстро опустели. Толпа громила их, переворачивая тяжелые прилавки, разбивая весы и разбрасывая гири». Было задержано более 40 человек, правда, оставлены под арестом лишь три женщины. Убытки мясоторговцев составили 178 руб.⁷

8 апреля 1915 г. в Москве за Пресненской заставой «началось быстрое скапливание множества различных рабочих, служащих и других лиц». Около 8 часов их число достигло 3—5 тыс. человек. Выражая недовольство дороговизной продуктов первой необходимости, они «с криком „Дружно, товарищи!“ начали приступать к торговым заведениям, лавкам и магазинам и их громить, разбивая окна и двери... более всего пострадали булочная и хлебопекарня Зуева... Товар весь был выкинут на улицу и частично расхищен... Также побили стекла и повредили рамы окон мясной и овощной лавок». Порядок был восстановлен лишь к 10 с половиной часам вечера с помощью конной стражи. 6 человек были задержаны⁸. В тот же день около 8 часов вечера у Преображенской заставы толпами рабочих были разгромлены и подверглись «разграблению» булочная Воронцова и несколько магазинов «колониальных товаров»⁹.

7 августа 1915 г. пришедшие утром на базар в Колпино (под Петроградом)

жены запасных и рабочих Ижорского судостроительного завода «резко выражали недовольство» торговцами из-за повышения цен на продукты, а к полудню толпа женщин отправилась с жалобами на дороговизну к начальнику завода. Днем толпа «стала ходить по городу и закрывать лавки, причем в одном ларьке выбросили мясо». «К вечеру к женщинам присоединилась выходящая с завода смена рабочих числом свыше 2 тыс. чел., и вся толпа двинулась по улицам города, производя разгром торговых помещений. Усилия местной полиции прекратить беспорядки успеха не имели, причем в полицейских чинов стали бросать из толпы камни». Всего было разгромлено 50 ларьков и 9 мелких лавок. Продукты частично уничтожались, а частично расхищались. Убытки, правда, были незначительные. Полицейские произвели 3 выстрела, никого, однако, не ранив¹⁰.

17 августа 1915 г. в Петрограде «в течение дня в различных частях города, преимущественно в рабочих районах (Нарвской, Александро-Невской и Московской частях, Петергофском и Охтенском участках), собравшимися толпами были разбиты стекла в 103 магазинах и лавках, причем в некоторых из этих предприятий почти полностью разграблены товары». При восстановлении порядка были нанесены «поранения» 3 надзирателям, 8 городским, вахмистру и 2 городским конной полиции. Было задержано более 30 человек. Некоторые из них переданы в распоряжение судебных властей, а некоторые подвергнуты наказанию в административном порядке¹¹.

Выступления на почве дороговизны захватили не только столицы, но и многие города и поселки в самых различных регионах страны, в том числе и в «благополучных» в продовольственном отношении. Но все же крупные выступления на почве дороговизны начались в Центральном промышленном районе.

1 октября 1915 г. они разразились и в Павлове Посаде Богородского уезда Московской губ. в связи с отсутствием сахара. В этом выступлении первоначально приняли участие 1, 5—2 тыс. человек, преимущественно женщин и подростков, к которым затем присоединились рабочие текстильной фабрики, а также крестьяне. Несколько лавок было разгромлено, а наряд полиции — забросан камнями. «Беднейшее население Посада совместно с фабричным — Русско-французского анонимного общества на почве недостатка продуктов продовольствия и увеличения цен произвело разгром лавок»¹². 3 октября

1915 г. в ходе забастовки 12 тыс. рабочих Богородско-Глуховской мануфактуры в с. Глухове (близ г. Богородска) было выдвинуто требование улучшения снабжения продуктами первой необходимости (наряду с требованием повысить заработную плату). 4 октября бастовавшие рабочие совместно с жителями приняли участие в «продовольственных волнениях», «разгроме лавок и магазинов» практически во всем Богородске. Положение удалось «нормализовать» лишь с помощью казаков, применивших огнестрельное оружие (2 рабочих были убиты). Были произведены аресты, причем один из рабочих Богородско-Глуховской мануфактуры обвинялся в руководстве толпой на базарной площади¹³.

В хуторе Тихорецком Кавказского отдела Кубанской области 6 июня 1916 г. «толпа женщин и мужчин до 10 тыс. человек, преимущественно работающих в депо и железнодорожных мастерских станции Тихорецкой, на почве дороговизны разных товаров и неимения в продаже сахара произвела погром четырнадцати торговых заведений, разграбив находившиеся в них товары»¹⁴.

Целый ряд полицейских документов свидетельствует о том, что в городах женщины-участницы выступлений имели прямое отношение к рабочей среде. В Ташкенте за участие в разгроме торговых лавок 29 февраля 1916 г. были арестованы жены рабочих железнодорожных мастерских. По агентурным сведениям, «железнодорожные рабочие главных мастерских Средне-Азиатской и Ташкентской железных дорог предполагали 2 марта прекратить работу и

идти освобождать своих жен»¹⁵. О «причастности» рабочих Красноярска к «беспорядкам» на базаре 7 мая 1916 г. может свидетельствовать «Обращение» епископа Никона к жителям, в котором можно было прочитать: «... раздражены рабочие, жены которых неожиданно для них попали в тюрьму»¹⁶.

Инициатива «беспорядков» и разгрома магазинов в Тифлисе 5 июля 1916 г., по данным губернского жандармского управления, принадлежала жене железнодорожного рабочего «Груше Радновой и „Кацапке“» (связанной с маляром). Они проживали в районе Нахаловки и, «отправляясь на разгром магазинов, по пути снимали с работ работниц табачных фабрик»¹⁷.

В резолюции рабочих Самары от 12 ноября 1916 г., направленной в Государственную думу в связи с «расстрелом голодных жен самарской бедноты, пришедших 5 ноября на базар покупать к празднику мясо», говорилось: «Мы, организованные рабочие в Самаре, самым решительным образом протестуем против подобного рода расправ с доведенным до крайности продовольственным кризисом населения Самары. Мы протестуем против политики расстрела наших жен...»¹⁸.

О «причастности» рабочих к продовольственным выступлениям могут косвенно свидетельствовать и распространявшиеся «слухи», являвшиеся своеобразной предупредительной «мерой» возможных последующих выступлений — стачек, митингов, а также столкновений с владельцами магазинов и складов. «По слухам», рабочие могли стать одной из действующих сил предполагавшихся выступлений на почве дороговизны в самых различных местах страны, в том числе и в столице¹⁹. Согласно агентурным данным по Петрограду от 17 февраля 1917 г., «со всех окрестных магазинов [район Садовой и Лермонтовского пр.] устранены были ценные вещи: ждут, по словам хозяев, „голодного погрома“ ввиду того, что в означенном районе выпеченного хлеба хватает покупателям лишь до 5 часов пополудни и для рабочих, приходящих с работ уже после 7 часов вечера, фактически ничего не остается: последним приходится ходить за хлебом в более отдаленные районы...»²⁰.

Рассмотрим теперь основные показатели выступлений рабочих на почве дороговизны и отсутствия предметов первой необходимости. Эти выступления по своему характеру являлись экономическими и по крайней мере до осени 1916 г. оставались таковыми и не причислялись к революционным. В «Докладе» Петроградского охранного отделения за октябрь 1916 г. отмечалось: «Вопросы питания в самых широких кругах населения огромной империи являются единственным и страшным побудительным импульсом, толкающим массы на постепенное приобщение к нарастающему движению недовольства и озлобления... Пока все это движение имеет строго экономическую подкладку и не связано почти ни с какими чисто политическими программами. Но стоит только этому движению вылиться в какую-либо реальную форму и выразиться в каком-либо определенном акте (погром, крупная забастовка, массовое столкновение низов населения с полицией и т. п.), оно тотчас же и безусловно станет чисто политическим»²¹.

Несмотря на легкую возможность принять националистическую направленность, выступления на почве дороговизны в городах, в рабочей среде не скатились на эти рельсы. В прошедших в Москве в конце мая 1915 г. выступлениях и погромах принадлежавших немцам магазинов (в том числе и некоторых продовольственных)²² экономические мотивы если и были, то на втором плане. Главное же сводилось к выражению «патриотических» настроений. Нельзя назвать ни одного целенаправленного выступления против торговцев как представителей той или иной национальности. И всего лишь два события имели националистический оттенок: в Красноярске 7 мая 1916 г. и в Тифлисе в июле 1916 г. Но даже по поводу красноярских событий (столкновение русской покупательницы с не пожелавшей поменять проданное мясо торговкой-еврейкой), когда пострадали владельцы 52 лавок различной национальности, в том числе 41 торговец-еврей, начальник Енисей-

ского ГЖУ писал, что они были «совершенно неожиданны для всей администрации, предусмотреть их в той форме, в какой они вылились, — еврейском погроме — было невозможно»²³. Примечательно в этой связи и место из статьи «Рабочие к гражданам», опубликованной в газете «Оренбургская жизнь» от 4 мая 1916 г.: «Былые годы омрачались еврейскими погромами, теперь времена изменились: идут погромы торговые»²⁴.

Движение на почве дороговизны развивалось как стихийное, неорганизованное²⁵ и беспартийное, т. е. не имевшее какого-либо партийного руководства. Сразу же следует сказать, что партийные организации и большевиков, и меньшевиков отрицательно относились к выступлениям на почве дороговизны, связанным с погромами магазинов, лавок, складов. Социал-демократы Москвы, Петрограда и некоторых других мест уже с весны 1915 г. стали принимать резолюции, издавать прокламации, в которых достаточно четко и однозначно было зафиксировано их отношение к погромам магазинов и лавок: такие действия, расценивавшиеся как стихийное проявление недовольства, осуждались²⁶. В. И. Ленин по поводу отношения большевиков и меньшевиков, осуждавших погромные выступления рабочих, писал в декабре 1916 г.: «Господин Чхеидзе „отводит“ проявляющееся революционное „недовольство масс“ „в русло“ либеральной борьбы (только мирные кооперативы, только легальное, одобренное губернатором, давление на городские думы и т. п.)... Революционный социал-демократ скажет: громить лавчонку нецелесообразно, устроимте посерьезнее демонстрацию хотя бы одновременно с бакинскими, тифлисскими, питерскими рабочими, направим свою ненависть на правительство, привлечем к себе часть войска, желающую мира»²⁷. Известны случаи, когда организованные рабочие как бы отмежевывались от «погромных» выступлений²⁸.

В литературе делались и высказывания, связывавшие подобного рода выступления (например, в Сухуме и других местах) с деятельностью сторонников Союза русского народа, черносотенцев²⁹. Однако документы, исходившие от правых организаций и отдельных их деятелей, дают основание считать, что те отрицательно относились к любым массовым выступлениям подобного рода³⁰. Правые полагали, что подобные выступления организуются «на немецкие деньги» с целью побудить Россию к выходу из войны.

Но вернемся к позиции социал-демократов. Как можно полагать, она не оставалась неизменной. С лета 1916 г. революционные социал-демократы ряда мест стали задумываться над тем, как использовать выступления на почве дороговизны для развертывания массового революционного движения. 10 июля 1916 г. большевики Екатеринбургa заслушали доклад «об использовании в революционных целях возможных в ближайшем будущем погромов на основе дороговизны»³¹.

В одном из полицейских документов, относящихся к октябрю 1916 г., отмечалось, что возможные серьезные стихийные беспорядки в столице в ближайшем будущем будут находиться «не в зависимости от революционной пропаганды, а лишь от продовольственного кризиса, революционные же организации лишь не пропустят случая взять на себя руководство возникшим движением, дабы привести в жизнь социал-демократические лозунги»³². В отношении начальника Петроградского ГЖУ от 9 февраля 1917 г. указывалось на циркулирование слухов «о возможности устройства в Колпино 14—15 сего февраля на почве крайнего недовольства дороговизной и недостатком продуктов погрома... имеются также слухи о том, что при возникновении беспорядков могут быть выброшены в толпе красные флаги для поднятия духа участников погрома и придания погрому характера демонстрации»³³.

Теперь воспроизведем и проанализируем показатели статистики нестачечных и недемонстрационных выступлений рабочих (или с их участием) на почве дороговизны (см. табл. 1).

Таблица 1

Число массовых выступлений рабочих (или с их участием) в связи с нехваткой и дороговизной предметов первой необходимости в различных регионах России в 1914 — феврале 1917 г. *

Время	Север и Северо-Запад	ЦПР	ЦЧР	Урал и Приуралье	Среднее и Нижнее Поволжье	Дон и Сев. Кавказ	Сибирь и Дальний Восток	Украина	Кавказ и Закавказье	Средняя Азия и Казахстан	Россия
1915 г.											
Январь											
Февраль											
Март											
Апрель	1	3									4
Май		2						(2)			2(3)**
Июнь								(1)			-(2)**
Июль											—
Август	3							(3)			3(3)
Сентябрь					1						1
Октябрь		2									2
Ноябрь				1							1
Декабрь	2										2
Всего	6	7		1	1			(6)			15(8)
1916 г.											
Январь								1		(1)	1(1)
Февраль	1								1	1	3
Март		1			(1)	1		(3)		(11)	2(15)

таблица 1 (продолжение)

Время	Север и Северо-Запад	ЦПР	ЦЧР	Урал и Приуралье	Среднее и Нижнее Поволжье	Дон и Сев. Кавказ	Сибирь и Дальний Восток	Украина	Кавказ и Закавказье	Средняя Азия и Казахстан	Россия
Апрель			(1)		(1)			(1)	1		-(4)
Май	1		1	1		(2)	4(3)	2(6)			9(11)
Июнь		5(8)			(5)	8(134)		(3)			13(150)
Июль		1	(1)	1	2(8)			(7)	3(10)	(1)	7(27)
Август				(1)				3(2)	1	(1)	4(4)
Сентябрь		1(1)		1			(1)				2(2)
Октябрь	2(1)	2						2(1)			6(2)
Ноябрь		(1)		3	1С)		1(2)	(2)	(1)	1(7)	6(14)
Декабрь							(2)	(1)	(1)		-(5)**
Всего 1917 г.	4(1)	10(10)	1(2)	6(1)	3(16)	9(136)	5(8)	8(26)	5(12)	2(23)	53(235)
Январь	3										3—
Февраль	7										7—
Всего	10										10—

*В круглых скобках — показатель аналогичных выступлений крестьян. ** В таблице не показаны по одному выступлению крестьян в Прибалтике (в мае 1915 г.), в Белоруссии (в июне 1915 г.), и в Молдавии (в декабре 1916 г.).

Собранные нами данные касаются массовых, коллективных выступлений, причем лишь тех, которые вследствие прежде всего «погромных» действий получили отражение в полицейских материалах. Конечно, отнюдь не все конфликты регистрировались полицией. Так, в докладе Петроградского охранного отделения за октябрь 1916 г. отмечалось, что вблизи лавок, магазинов, банков и т. п. учреждений «почти каждый день происходят „недоразумения“, лишь в своей минимальной части пока кончающиеся полицейскими протоколами»³⁴.

Во второй половине 1914 г. выступления рабочих на почве дороговизны были редким явлением. В 1915 г. таких выступлений в стране прошло уже два десятка, причем преимущественно в городах, промышленных поселках, т. е. в районах с рабочим населением: 6 выступлений приходилось на Петроград и его пригороды (Колпино) и 6 — на Центральный промышленный район, преимущественно на Москву. Показательно, что число выступлений горожан (прежде всего рабочих) превосходит число выступлений крестьян в два раза (15 и 8).

1916 год по сравнению с предшествовавшими дал увеличение общего числа выступлений примерно в 13 раз (23 и 288). Число же выступлений рабочих (или с их участием) возросло в 3 с лишним раза, а крестьян — примерно в 30 раз. Не было месяца, за малым исключением, чтобы и в крестьянской, и в рабочей среде не происходили подобного рода выступления.

Если посмотреть на динамику выступлений рабочих, то можно отметить определенное увеличение их числа весной и летом как в 1915, так и в 1916 г. В конце 1916 г. — начале 1917 г. число выступлений несколько падает (аналогичная картина наблюдалась и в стачечном движении), хотя социальная напряженность в это время, как мы знаем, не ослабевает, а усиливается: все чаще можно было встретить суждения, что терпение народа до конца войны не выдержит и социальный взрыв может произойти уже зимой 1916/17 г.

Выступления произошли в большинстве регионов страны. Исключение составляли Прибалтика и Белоруссия (не принимаются во внимание 9 губерний Царства Польского, входившие в состав России, но захваченные немцами). Большая часть выступлений имела место в ЦПР (17), в Петрограде (9), на Дону и Северном Кавказе (9), на Украине (8). На Урале, в Среднем и Нижнем Поволжье, в Сибири и на Дальнем Востоке, на Кавказе и в Закавказье их было по 3—6 (в регионе). При этом необходимо иметь в виду, что уже с мая—июня 1915 г. начались стачки рабочих, в которых выдвигались требования понижения цен (включая таксы) на продукты и, более того, обеспечения рабочих продуктами питания³⁵.

В большей части выступлений основной контингент участников составляли женщины — жены рабочих, нередко сами занятые на промышленных предприятиях. Но во многих случаях активными участниками являлись непосредственно промышленные рабочие-мужчины, причем в Петрограде и Москве это было даже чаще, чем в других местах.

Поскольку партийные организации различных политических направлений с осуждением относились к продовольственным «беспорядкам», сопровождавшимся погромом магазинов, совершенно очевидно, что передовые, организованные рабочие в таких выступлениях не участвовали. Можно предположить, что в продовольственных выступлениях принимали участие «средняки» и низшие слои рабочих, члены их семей. По крайней мере часть представителей этой пролетарской среды (включая жен рабочих) готова была обращаться к властям — наместнику на Кавказе, губернатору, градоначальнику — с просьбой обуздать торгашей-спекулянтов и тем самым не дать умереть с голоду³⁶, и вместе с тем эта же часть была готова на «отчаянные действия» и против непосредственных виновников их бедствий — торговцев, и против непосредственных защитников «порядка» — полицейских.

Участники выступлений относились к самым различным профессиональным группам: металлургов, металлистов (Петроград, Дружковка, Юзовка в Екатеринославской губ.), рабочим железнодорожных мастерских и депо (в Тифлисе, Красноярске, Ташкенте, на ст. Тихорецкой Кубанской обл.), текстильщиков (Москва, Московская и Владимирская губернии), табачников (Тифлис), нефтяников (Баку), химиков (Шостка Черниговской губ.). Это были рабочие частных и казенных предприятий (завод в Шостке), предприятий, производивших продукцию для тыла и для фронта, рабочие крупных и небольших промышленных заведений, рабочие столиц, губернских и уездных городов и небольших поселков (Родники Костромской губ.).

Что касается национального состава участников, то в документах зафиксированы города и поселки преимущественно с русским населением. Но немало выступлений прошло в Грузии и Азербайджане (Тифлис, Батум, Сухум, Михайлове, Баку), на Украине (Сумы, Шостка), в Средней Азии (Ташкент). При этом в некоторых национальных центрах (как, например, в Баку, Тифлисе) преобладающая масса участников определялась как русская³⁷.

В массовых выступлениях участвовало, наряду с рабочими и членами их семей, «население», социальные границы которого были, несомненно, шире (ремесленники, мелкие служащие, чиновники, солдаты, беженцы, а также деклассированные элементы, люмпены)³⁸.

Общее количество участников выступлений рабочих определить невозможно. Зачастую в полицейских документах фигурировало слово «толпа». Но нередко встречались и конкретные сведения. Так, в Колпине, под Петроградом, количество участников выступлений 7 августа 1915 г. определялось в 2 тыс. человек, в текстильной Кинешме Костромской губернии 26 июня 1916 г. — в 4 тыс., на Пресне в Москве 8 апреля 1915 г. — в несколько тысяч (в основном рабочих Прохоровской мануфактуры), в деревне Юсупове Подольского уезда Московской губернии 5 марта 1916 г. — в 50 чел. (смена работниц вигоневой фабрики Шлихтермана). В отдельных же случаях число участников доходило до 3—4 тыс. и даже 10 тыс. человек, причем столь массовые выступления имели место в большинстве регионов страны.

Причинами недовольства и возмущения простого населения, рабочих в городах были отсутствие в продаже предметов первой необходимости или резкое взвинчивание цен на них. Чаше всего это касалось предметов питания: картофеля, хлеба, муки, сахара, овощей (зелени), фруктов, мяса, кур, яиц, рыбы, «бакaleyных товаров» (сахара, муки и т. п.). Нередко к ним добавлялись такие предметы, как мыло, ситец, обувь, «мануфактура» (см. табл. 2). Что касается временных изменений, то следует указать на увеличение числа выступлений по поводу нехватки хлеба.

Выступления же крестьян обычно вызывались отсутствием «мануфактурных товаров», обуви, мыла, из продовольственных продуктов — сахара, а также нежеланием продавать на рынке по таксированным ценам продукты сельского хозяйства (зерно, яйца и др.), в то время как предметы промышленного производства им приходилось приобретать по свободным, нетаксированным ценам. К крестьянским «мотивам» были близки поводы выступлений на предприятиях, расположенных в сельской местности.

Возмущение покупателей отсутствием предметов первой необходимости или взвинчиванием цен обычно выливалось в столкновение с торговцами, продавцами, владельцами магазинов, складов. В отдельных случаях производились обыски складских помещений, вывозился на продажу товар, оставленный владельцами «для себя»³⁹.

Но, как правило, столкновения заканчивались более серьезными последствиями. На базарах опрокидывали лотки, подводы с товаром, в магазинах разбивали стекла в окнах, выламывали двери. Нередко товар умышленно

Таблица 1

Поводы выступлений рабочих (или членов их семей) на почве дороговизны в 1916 — феврале 1917 г.

Время	Место выступления	Регион	Название предметов первой необходимости, отсутствие или дороговизна которых привели к выступлению
1916 г.			
Январь	с. Дружковка Екатеринославской губ. (металлургический з-д)	Украина	мука, сахар
Февраль	г. Петроград	Северо-Запад	?
	г. Баку	Закавказье	мясо, картофель, бакалейные товары, мука, овощи, сахар, фрукты, овощи
	Г. Ташкент	<i>Ср. Азия</i>	
Март	д. Юсупово Подольского у. Московской губ. (фабрика)	ЦПР	ситец
Апрель	—	—	—
Май	Петроград	Северо-Запад	?
	с. Батуриновка Воронежской губ.	ЦЧР	мыло, кожаный товар
	г. Оренбург	Урал	мука, другие продукты
	г. Красноярск Енисейской губ.	Сибирь	мясо, рыба
	ст. Зима Иркутской губ.	»	?
	г. Бийск Томской губ.	»	булки, колбаса, сахар
	г. Боготол Томской губ.	»	?
	г. Новониколаевск Томской губ.	»	сахар
	г. Сумы Харьковской губ.	Украина	сахар
	с. Юнаковка Харьковской губ.	»	сахар
Июнь	г. Кинешма Костромской губ.	ЦПР	сахар
	Сормово, Канавино, Гордеевка, Молитовка Нижегородской губ.	»	сахар, мыло, обувь, другие товары
	г. Таганрог Области Войска Донского	Сев. Кавказ и Дон	сахар
	Некоторые станицы Ейского отдела Кубанской обл. (с рабочим населением)	»	сахар, ситец
	г. Екатеринодар Кубанской обл.	»	?
	ст. Тихорецкая Кубанской обл.	»	сахар, ?
	г. Ставрополь	»	мануфактура, обувь, мыло
Июль	Воткинский з-д Вятской губ.	Урал	сахар
	г. Симбирск	Ср. и Нижн. Поволжье	сахар
	г. Вольск Саратовской губ.	»	сахар
	г. Сухум Кутаисской губ.	Закавказье	бакалейные товары
	г. Тифлис	»	мыло, яйца, картофель, мануфактура
	с. Михайловское Тифлисской губ.	»	мануфактура
Август	пос. Юзовка Екатеринославской губ.	Украина	овощи
	пос. Горловка Екатеринославской губ.	»	мука, сало
	посад Шостка Черниговской губ.	»	мука
	г. Батум Батумской обл.	Закавказье	фрукты, овощи, куры, (обувь)

таблица 2 (продолжение)

Время	Место выступления	Регион	Название предметов первой необходимости, отсутствие или дороговизна которых привели к выступлению
Сентябрь	г. Подольск Московской губ.	ЦПР	хлеб, подсолнечное масло
Октябрь	г. Кунгур Пермской губ.	Урал	сахар
	г. Петроград	Северо-Запад	хлеб (товары мелочных лавок)
	г. Кимры Тверской губ.	ЦПР	сахар
	г. Тверь	»	сахар, другие продукты
	г. Мариуполь Екатеринославской	Украина	сахар
Ноябрь	г. Киев	»	?
	Шайтанский и Билимбаевский заводы Пермской губ.	Урал	?
	Миасский з-д Оренбургской губ.	»	сахар
	г. Самара	Ср. и Нижн. Поволжье	мясо
Декабрь 1917 г.	г. Семипалатинск	Ср. Азия и Казахстан	мануфактура, ситец
	—	—	—
Январь	г. Петроград	Северо-Запад	хлеб (мука, мясо, молоко)
Февраль	—	»	хлеб, табак, товары мелочных магазинов (товары магазинов)

портился, приводился в негодное состояние, разбрасывался и расхищался. Однако расхищение товаров, продававшихся «по повышенной цене», не составляло цели большинства участников выступлений.

Продолжительность беспорядков была обычно небольшой: от нескольких минут до нескольких часов, правда, в 11 городах (из 59 случаев) она составляла два дня и более.

1915 г.: в Петрограде — 17—18 августа; в Павлове Посаде и в Глухове Богородского уезда Московской губ. — 1 и 3 октября; в г. Орехово Владимирской губ. — 30—31 мая; **1916 г.:** в Баку — 14—16 февраля; в Ташкенте — 29 февраля — 1 марта; в Оренбурге — 2—3 мая; в Ставрополе — 21—22 июня; в Таганроге, Области Войска Донского — 24—25 июня; в Сухуме — 1—2 июля; в Тифлисе — 2—7 июля; в Семипалатинске — 19—20 ноября.

Масштаб событий был весьма различным: от конкретного места столкновения покупателя с лотошником — до улицы, городского квартала и даже города (как в 1915 г. в Павлове Посаде и в 1916 г. в Красноярске, Тифлисе, Семипалатинске). Соответственно и размеры объявлявшегося торговцами ущерба имели существенные различия: от нескольких десятков рублей до нескольких десятков и сотен тысяч рублей, доходя до 1—2 млн. руб. Так, в 1916 г. ущерб в Екатеринодаре и Семипалатинске 14 июня и 19—20 ноября определялся суммой до 2 млн. руб., в Оренбурге 2—3 мая — в 852, 9 тыс. руб., в Сормово Нижегородской губ. 3 июня — в 94, 3 тыс. руб. Правда, властями эти цифры нередко считались преувеличенными⁴⁰.

В 19 выступлениях (из 62) применялось огнестрельное оружие. В общей сложности погибло 19 участников выступлений. Было учтено 34 раненых из числа участников выступлений (цифра явно неполная, так как многие скрывали свое участие в событиях). Более точной являлась цифра пострадавших (получивших ушибы, поранения) полицейских, казаков, солдат и офицеров,

а также других представителей местных властей. Таких оказалось 145 человек! (в 30 выступлениях), что в 4 раза превышает соответствующее число среди участников выступлений.

Десятки участников выступлений были арестованы («за погромы и хищения»); В Баку в феврале 1916 г. задержаны 123 мужчины и 83 женщины⁴¹. В 1916 г. в Оренбурге 2 мая, в Ставрополе 21 июня, в Самаре 5 ноября ситуация для властей становилась столь тревожной, что объявлялось «особое положение» со всеми вытекающими из него ограничениями массовых сборов людей, а также их передвижения⁴². Нередко официальные сообщения о выступлениях населения на почве дороговизны предметов первой необходимости напоминали «военные сводки». В телеграмме управляющего губернией по поводу событий в Оренбурге 2 мая 1916 г. читаем: «Сделано распоряжение i [o] воспрещении собираться на улицах группами более 3-х человек, выходить из квартир после 9 часов вечера без особого пропуска... Казенные, кредитные и общественного пользования учреждения охраняются войсками. Торговля денатурированным спиртом воспрещается»⁴³.

В ходе таких выступлений становилось очевидным, что тыловые солдаты и даже казаки в столкновениях с женщинами-солдатками, требовавшими хлеба насущного и других предметов первой необходимости, «дрогнули»: солдаты заявили, что стрелять в «своих жен» они не будут. В отдельных случаях эти заявления реализовались. В связи с выступлением преимущественно женщин в г. Челябинске Оренбургской губ. 23 ноября 1915 г., требовавших отпуска сахара, в одном из полицейских документов сообщалось: «... В толпе женщин было несколько нижних чинов, которые говорили, что если женщин-солдаток будут бить, то все казармы выступят на защиту женщин-солдаток, а в другом месте женщины говорили, что „если в нас заставят стрелять, то неизвестно еще, кто в кого будет стрелять“»⁴⁴. 2 мая 1916 г. в Оренбурге собравшиеся жены призываемых на военную службу стали требовать «от города» дополнительного пособия в виде муки и других припасов, а затем стали ходить по улицам и площадям и громить магазины. Возле бакалейного магазина Ишкова на Гостинодворской улице собралась толпа до 2 тыс. человек. Сюда прибыла запасная казачья полусотня, командиру которой управляющий губернией ввиду невозможности прекратить беспорядки мерами полиции «дал указание приступить [к] действию оружием, разъяснив при этом нежелательность по возможности употреблять огнестрельное оружие, так как в толпе было много женщин, детей». Но офицер вступил с управляющим губернией в пререкания, «отказываясь действовать нагайками, холодным оружием, находя необходимой стрельбу и требуя... письменного распоряжения. Ободренная бездействием казаков толпа продолжала разгром других магазинов... Затем разгром магазинов стал распространяться на другие улицы»⁴⁵.

7 мая 1916 г. на базаре в Красноярске был тяжело ранен железнодорожный | жандармский ротмистр Игнатъев, отдавший солдатам приказ прекратить разгром лавки, проходивший на их глазах, задержать громивших женщин и ранивший ослушавшегося солдата шашкой⁴⁶. По свидетельству енисейского губернатора, «нижние чины, видимо, сочувствовали беспорядкам, так как при обращении к ним с призывом не допустить погромов, таковых не прекращали, а задержанных полицией виновных отпускали»⁴⁷.

О сочувствии солдат населению, принимавшему участие в «продовольственных выступлениях» в 1916 г., неповиновении распоряжениям высших i офицеров говорится в документах о событиях в Канавине и Гордеевке Нижегородской губ. (1 июня), на ст. Тихорецкой Кубанской обл. (июнь), в Семипалатинске (19 ноября). Для такого отношения тыловых солдат к выступлениям населения «на I продовольственной почве» были основания. Ратники ополчения, солдаты в I годы войны сами многократно организовывали подобные выступления и поэтому с «пониманием» и сочувствием относились к таким выступлениям

рабочих, крестьян, населения. Как отмечал ДП МВД 21 октября 1915 г., «Ко времени призыва в войска ратников 2-го разряда поступает ряд сообщений о произведенных ими обычно на железнодорожных станциях во время остановок поездов бесчинствах, сопровождавшихся битьем стекол и порчей железнодорожного имущества, разгромом станционных буфетов и ближайших лавок, расхищением оттуда товаров, денег, и столкновения с чинами полиции...»⁴⁸. Случаев подобного рода выступлений ратников за указанный период, по тем же данным, насчитывалось 82, т. е. даже больше, чем таких же выступлений рабочих и крестьян.

Приведенный выше материал существенно расширяет и обогащает наше представление о сближении тыловых солдат и рабочих в период первой мировой войны, которое основывалось почти исключительно на данных о поведении солдат 181-го полка в Петрограде осенью 1916 г.

Подобное отношение солдат к участникам выступлений на почве дороговизны было важным фактором развития освободительного движения: здесь просматривается по крайней мере одно из условий успеха буржуазно-демократической революции в феврале 1917 г.

Нехватка предметов первой необходимости и рост цен на них, углубление продовольственного кризиса уже осенью 1916 г. стали оказывать непосредственное воздействие на рост антиправительственных и антинародных настроений. Антивоенная агитация большевиков на начальном этапе войны имела весьма скромный успех. Продовольственные затруднения стали быстро расширять круг противников войны, приверженцами которой в народе все упорнее стали называть купцов и торговцев, наживавшихся на постоянном вздутии цен. Полицейские сообщения об этом встречаются уже в феврале 1916 г. (например, сообщение начальника Владимирского ГЖУ)⁴⁹. Начальник Московского ГЖУ в донесении от 3 ноября 1916 г. отмечал в связи с нехваткой хлеба в текстильном селе Озерках Коломенского уезда: «Сразу и очень резко посыпалось недовольство войной»⁵⁰.

Таким образом, нестачечные и недемонстрационные выступления на почве дороговизны предметов первой необходимости, сопровождавшиеся в большинстве случаев погромами магазинов и лавок, представляли собой стихийную форму социального протеста и борьбы, обусловленную сильным раздражением прежде всего продовольственным положением и сознанием невозможности его нормализовать. Эти выступления чаще всего превращались в акт мести непосредственным виновникам этого положения — торговцам, нежели являлись попыткой изменить к лучшему условия своего существования. Выступления возникали на сугубо экономической почве, но со временем начинали отражать и происходившие в связи с углублением кризиса изменения в социальной психологии и сознании масс. Выступления на почве дороговизны при всей своей незрелости, неоформленности, стихийности имели важное значение, поскольку вовлекали в борьбу против «купцов», правительства, против войны все новые слои населения, до этого социально себя не проявлявшие или слабо проявлявшие. Эти выступления, несмотря на специфические черты, были формой протеста и борьбы, своеобразно отражавшие в широком смысле остроту социальной напряженности, наличие взрывоопасной ситуации вследствие охвативших страну продовольственного, хозяйственного, а также административного, правительственного кризиса⁵¹.

Массовые нестачечные и недемонстрационные выступления рабочих на почве нехватки и дороговизны предметов первой необходимости, обычно связанные с погромами магазинов и складов, в 1915 и особенно в 1916 гг. получили достаточно широкое распространение. Во многих случаях они приобрели значительный размах, несмотря на негативное отношение к погромам нелегальных партийных организаций и передовых рабочих (в 1915 г. произошло 15 из 21 выступления всех слоев населения, включая крестьян, и в 1916 г. — 53 из 282 выступлений). Даже в тех губерниях, где выступлений на почве

дороговизны в период войны вплоть до февраля 1917 г. не было, «охранка» — на основании распространявшихся слухов — неоднократно указывала на возможность подобного рода выступлений с участием рабочих (например, в Ярославской губ.).

Сопоставление примерно 70—80 выступлений рабочих на почве дороговизны с числом стачек или демонстраций будет явно не в пользу рассматриваемой нами специфичной формы социального протеста. И по количеству участников стачки будут несравненно представительнее. По данным «Хроники» (однородного источника), в России в 1915 г. было 1946 стачек с 897 тыс. участников, в 1916 г. — 2306 стачек с 1784 тыс. и в январе — феврале 1917 г. — 751 стачка с 640 тыс. участников⁵². И тем не менее эти выступления на почве дороговизны вследствие непредсказуемости взрыва массового недовольства, стихии, сочувствия населения и солдат в 1916 г. приводили в содрогание власти в не меньшей мере, чем крупные стачки и массовые уличные демонстрации. «... Подобного рода стихийные выступления голодных масс, — отмечалось в агентурном донесении по Петрограду от 25 января 1917 г., — явятся первым и последним этапом по пути к началу бессмысленных и беспощадных эксцессов самой ужасной из всех — анархической революции...»⁵³.

Сведения о выступлениях на почве дороговизны быстро распространялись далеко за пределы губерний, получая там живой отклик и создавая «взрывоопасную» обстановку. Достаточно красноречиво об этом свидетельствуют, например, события в Москве осенью 1915 г.⁵⁴ К этому следует добавить и рост возмущения торговцев, купцов, требовавших от властей через различные организации (биржевые комитеты и др.) обеспечить «безопасность» их деятельности, предупредить возможные в дальнейшем разгромы. Подобного рода заявления делались еще в сентябре 1915 г. (Астраханским биржевым комитетом) и продолжались в следующем году (например, Николаевским биржевым комитетом весной 1916 г.)⁵⁵, хотя практического успеха не имели: число выступлений на почве дороговизны со временем не уменьшалось, а увеличивалось.

Продовольственные выступления в Баку 14—16 февраля 1916 г., создавшие напряженную обстановку со снабжением нефтью, керосином и бензином многих промышленных регионов и центров, привлекли внимание даже Государственной думы, где прозвучали слова о том, что «... беспорядки в Баку имеют безусловно угрожающий характер» и встревожили «не только Кавказ, но и вообще широкие слои населения страны»⁵⁶.

Попытки властей увеличить полицейские силы для «умиротворения» населения, не давая выхода из продовольственного кризиса, лишь усугубляли ситуацию и усиливали социальную напряженность. В то же время нехватка и дороговизна предметов первой необходимости и в городе (прежде всего продовольственных товаров), и в деревне (сахара и товаров промышленного производства — мыла, керосина, одежды, обуви) способствовали переплетению интересов рабочих и крестьян на почве недовольства торговцами, местными и высшими властями, а также войной, хотя преувеличивать эту общность, как это делалось ранее, не следует.

Тяжесть экономического положения, переживавшегося и рабочими, и крестьянами, и тыловыми солдатами, способствовала определенному изменению психологии и поведения по крайней мере части солдат во время массовых выступлений. Впервые солдаты не в единичном, а в массовом порядке, во многих местах отказывались применять огнестрельное оружие против участников выступлений на почве дороговизны (в 1916 г. было отмечено 9 таких случаев в 49 выступлениях рабочих). Такого массового неповиновения солдат (а иногда и казаков), неисполнения ими «своего служебного долга», какое имело место при столкновении с участниками «беспорядков» на почве дороговизны, не встречалось при подавлении другого рода выступлений

рабочих (стачек, демонстраций и др.). Это создавало определенные предпосылки для совместных выступлений рабочих и тыловых солдат.

Выступления рабочих на почве отсутствия или дороговизны предметов первой необходимости наряду со стачками, демонстрациями, митингами, выступлениями тыловых солдат подвели рабочих к взрыву недовольства в феврале 1917 г., к революции, развернувшейся под лозунгами «За хлеб, за мир, за свободу!» и вобравшей в себя различные формы социального протеста.

Примечания

¹ См.: Русские ведомости. 1914. 24, 29 июля; Б. Т. Февральская революция и охранное отделение//Былое. 1918. Январь, № 1(29). С. 162—167; Начало. Paris. 1917, 13 марта.

² См.: Флеер М. Рабочее движение в России в годы империалистической войны. М., 1926. С. 68; История Москвы; В 6 т. Т. V. М., 1955. С. 314, 315, 320; Церцвадзе М. В. Революционное движение в Грузии в 1914—1917 гг.: В 2 ч. Ч. 1 (1914—1916 гг.). М., 1957. С. 211; История рабочих Ленинграда: В 2 т. Т. 1. Л., 1972. С. 500; Лейберов И. П., Рудаченко С. Л. Революция и хлеб. М., 1990.

³ См.: Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг.: Документы и материалы. Л., 1958. С. 483—518; Революционное движение в Н. Новгороде и Нижегородской губ. (1907 — февраль 1917 г.); Сб. документов. Горький, 1971 и др.

⁴ ГАРФ, ДП, 4 д-во, 1915 г., д. 130, л. 3—3 об.

⁵ Большевики в годы империалистической войны. 1914 — февраль 1917 г.: Сб. документов. М., 1939. С. 43.

⁶ ГАРФ, ДП ОО, 1916 г., д. 5: Ч. 27, л. 4.

⁷ День. 1915. 7 апреля; ГАРФ. ДП, 4 д-во, 1915 г., д. 130. л. 15.

⁸ ГАРФ, ф. 63 (МОО), 1915 г., оп. 20, д. 1326, л. 88 сб.

⁹ Там же, л. 7.

¹⁰ ГАРФ, ДП, 4 д-во, 1915 г., д. 130, л. 68—71; Сведения о положении дел в империи за последние шесть месяцев (с мая 1915 г.)//Там же, д. 165, л. 17; ЦГИА, ф. 1276, оп. Н, 1915 г., д. 167, л. 35—36; Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны; Сб. документов. М., 1965. С. 495.

¹¹ ГАРФ, ДП, 4 д-во, 1915 г., д. 108, ч. 61, лит. А, л. 14—14 об.; д. 165, л. 18; ДП, Перлюстрация, 1915 г., д. 1030, л. 1388.

¹² Там же, ДП, 4 д-во, 1915 г., д. 108, ч. 43, л. 26—26 об.; д. 42, ч. 3, Т. 2; ЦГИА г. Москвы, ф. 17, оп. 84, д. 888, л. 14.

¹³ ЦГИА г. Москвы, ф. 17, оп. 84, д. 888, л. 14.

¹⁴ ГАРФ, ДП, 4 д-во, 1916 г., д. 32, ч. 3, л. 28—29; Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны. С. 316.

¹⁵ ГАРФ, ДП, 4 д-во, 1916 г., д. 69, ч. 3, л. 6.

¹⁶ Там же, д. 20, ч. 3, л. 97 об.

¹⁷ Там же, д. 75, ч. 3, л. 33.

¹⁸ Там же, д. 50, ч. 3, л. 33а.

¹⁹ Об этом сообщалось в полицейских документах по Ярославской (в июне 1915 г.), Костромской (в июле 1916 г.), Петроградской (в феврале 1917 г.) губерниям, по Екатеринбург (в июле 1916 г.). См.: Бочкарев В. И. Предпосылки революции 1917 г. в Ярославском крае//Ярославская старина. Ярославль, 1924. С. 21; ГАРФ, ДП, 4 д-во, 1916 г., д. 108, л. 40; Рабочий класс Урала в годы войны и революции: Сб. документов и материалов. Т. 1. Свердловск, 1927. С. 228; Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг. С. 492.

²⁰ ГАРФ, ф. 111, оп. 5, 1917 г. д. 664, л. 98.

²¹ Красный архив, 1926, № 4(17). С. 24.

²² Так, 28 мая 1915 г., около 10 часов вечера толпа разгромила колбасный магазин австрийской подданной Брон (на Зубовской пл.). —ГАРФ, ф. 63, 1912 г., д. 191, т. 5, л. 311.

²³ ГАРФ, ДП, 4 д-во, 1916 г., д. 20, ч. 3, л. 50.

²⁴ Там же, д. 47, ч. 3, л. 128 сб.

²⁵ Об этом прямо говорилось в листовке Московской организованной группы РСДРП, изданной в апреле 1915 г. //Первое мая в царской России: Сб. документов. М., 1939. С. 268.

²⁶ Большевики в годы империалистической войны... С. 43—44; Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг. С. 485; ГАРФ, ДП ОО, 1916 г., д. 5, ч. 27, л. 4—5. В связи с разгромом солдатами магазинов в Кременчуге осенью 1916 г. «неблагонадежные лица», по полицейским данным, «на совещании 29 октября постановили общим решением совершенно не примыкать к такого рода выступлениям и пока не использовать их в своих целях» (см.: Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны 1914 — февраль 1917 г. М., 1966. С. 228).

²⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 30. С. 232—233.

²⁸ В связи с запросом в Государственной думе, как сообщал представитель кавказского наместника, «на нефтяных промыслах среди рабочих бесчинства, имевшие место в Баку (в феврале 1916 г.), не встретили сочувствия» (см.: Государственная дума. Четвертый созыв: Стеногр. отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1916. Стб. 2362). Но были и группы рабочих, выпускавшие обращения

с угрозой «погромов» торговцев, если местная администрация не прекратит спекулятивную вакханалию. 26 февраля 1916 г., постановление «Рабочего союза Читы» соответствующего содержания получил военный губернатор Читы (ГАРФ, ДП, 5 д-во, 1916 г., д. 2796, л. 2). Были и другие случаи подобного рода, за которыми, однако, выступлений не следовало.

²⁹ См. об этом: Бюллетень заграничного комитета Бунда. 1916. Сентябрь. № 1. С. 3; Моисеенко П. А. Воспоминания старого революционера. М., 1966. С. 214—215 (о выступлении в Ейске в 1916 г.).

³⁰ См.: Постановление Палаты Саратовского отдела Русского Народного союза им. Михаила Архангела от 23 февраля 1916 г. //Союз русского народа: Сб. документов. М.; Л., 1929. С. 317; Письмо без подписи из Баку от 17 февраля 1916 г. к В. Пуришкевичу//ГАРФ, ДП, Перлюстрация, 1916 г., д. 1052, л. 467 («погром пока стих, но положено начало новому выступлению, по характеру другому, от которого да помилуй бог»).

³¹ ГАРФ, ДП ОО, 1916 г., д. 5, ч. 56, л. 31—32; Из истории Урала: Сб. документов. Свердловск, 1971. С. 316—317. Л. Мартов в сентябре 1916 г. писал: «Задачей социал-демократии всегда остается „использовать подобные волнения не только для укрепления и прояснения выражающегося в них недовольства, но и для убеждения пролетариата в том, что путь этого рода „бунтов" не ведет к цели и в конечном счете вреден с точки зрения его интересов» (Мартов Л. Опасность упрощательства//Бюллетень Заграничного комитета Бунда. 1916. Сентябрь. № 1. С. 4). Если иметь в виду подобные более ранние попытки, то можно указать на усилия революционного подполья столицы в июне 1915 г. использовать антинемецкие настроения, чтобы вызвать беспорядки (наподобие московских волнений), «но уже не на почве вражды к австро-германцам, а исключительно под флагом революционных противоправительственных выступлений и протестов против войны», которые, однако, «никакого успеха не имели» (ГАРФ, ДП, 4 д-во, 1915 г., д. 108, ч. 61, лит. А, л. 10).

³² Красный архив. 1926. № 1(17). С. 28, 29.

³³ Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг. С. 533.

³⁴ Красный архив. 1926. № 4(17). С. 16.

³⁵ См.: Стачки в России в 1914 — феврале 1917 г.: Хроника. Ч. 1. М., 1989. С. 128, 145—148,, 150—151, 158, 196, 241, 246, 255; 265—266, 291; Рабочее движение в годы войны. М., 1925. С. 71.

³⁶ Это имело место, например, в Тифлисе в июле 1916 г. (ГАРФ, ДП, 4 д-во, 1916 г., д. 75, ч. 2, л. 18 об.).

³⁷ См.: ГАРФ, ДП, 4 д-во, 1916 г., д. 5, ч. 11, л. 19; д. 75, ч. 3, л. 54 об.

³⁸ Так, среди «подстрекателей» выступления в Самаре 5 ноября 1916 г. полицейские власти называли «местных котов (воров) и проституток» (ГАРФ, ДП, 4 д-во, 1916 г., д. 5, ч. 11, л. 19).

³⁹ Донесения пристава Донецко-Юрьевского завода от 20 и 21 января 1916 г. //Государственный архив Днепропетровской обл. (ГАДО), ф. 2с, д. 3226, л. 91—91 об., 92—92 об.; ГАРФ, ДП, 4 д-во, 1915 г., д. 130, л. 207 об.

⁴⁰ ГАРФ, ДП, 4 д-во, 1916 г., д. 47, ч. 3, л. 132.

⁴¹ Там же, д. 5, ч. 11, л. 20.

⁴² Там же, д. 67, ч. 3, л. 11—13.

⁴³ Там же, д. 47, ч. 3, л. 17; д. 60, ч. 3, л. 23.

⁴⁴ Там же, д. 47, ч. 3, л. 112.

⁴⁵ Там же, л. 9 об.

⁴⁶ Там же, д. 20, ч. 3, л. 11 об.

⁴⁷ Там же, л. 22а.

⁴⁸ Там же, ДП, 4 д-во, 1915 г., д. 165, л. 28.

⁴⁹ Там же, д. 130, л. 116.

⁵⁰ Там же, л. 235.

⁵¹ Небезынтересно отметить, что в 1916 г. Л. Мартов по поводу «вспыхивающих на почве дороговизны и т. п. народных волнений» писал, что они «не могут непосредственно стать источником того движения, которое составляет нашу задачу», но он все же относил их к «очень важным симптомам» (Мартов Л. Указ. соч. С. 4).

⁵² Стачки в России в 1914 — феврале 1917 г. Хроника. Ч. 1. С. 4.

⁵³ ГАРФ, ф. 111, оп. 5, 1917 г., д. 664, л. 42 об.

⁵⁴ Так, по сообщению в. и. д. начальника Саратовского ГЖУ от 1 сентября 1915 г., на базаре в Царицыне замечались «случаи обсуждения беспорядков в Москве» в том смысле, что «было бы недурно „потрпать и у нас лавки богачей, которые на все поднимают цены"» (ГАРФ, ДП, 4 д-во, 1915 г., д. 30, л. 78). В донесении тифлиского полицмейстера от 3 июля 1916 г. отмечалось, что «отзвуки бывших во многих городах беспорядков на почве дороговизны дошли до городских окраин, особенно реагирующих на вопросы борьбы с дороговизной» (ГАРФ, ДП, 4 д-во, 1916 г., д. 75, ч. 3, л. 17).

⁵⁵ ГАРФ, ДП, 4 д-во, 1915 г., д. 130, л. 128—128 об.

⁵⁶ Цит. по: История Азербайджана: В 3 т. Т. 2. Баку, 1960. С. 768. |